

— Какая девушка? — Сюй Цзи спустя мгновение понял, о ком речь, и махнул рукой, объясняя:

— А, ты про нянечку. Я её уже давно не нанимаю.

— А? — Лу Хэнин удивился. — Почему? Я слышал от менеджера Чэня, что она хоть и любит наряжаться, но работает очень старательно и аккуратно?

Тем более, если он её уже давно уволил, зачем она тогда каждый день ходит на площадь?

— Нет, она действительно старательная, — Сюй Цзи открыл рот, но, вспомнив что-то, сделал озадаченное выражение лица. — Просто её старательность немного пугает.

Сюй Цзи поначалу был очень доволен девушкой. Она работала аккуратно, относилась к делу серьёзно, и результат её уборки в первый же день был лучше, чем у Лу Хэнина. В те дни Сюй Цзи как раз сидел дома без дела, занимаясь мелкими поделками, и девушка даже приносила ему чай и воду.

Но через несколько дней что-то пошло не так. Сюй Цзи, узнав, что на работу взяли молодую девушку, с самого начала был осторожен и специально складывал свои сменные трусы в корзинку рядом с гардеробом, накрывая их, чтобы не смущать её. Но на третий день, вернувшись домой, он увидел, что его трусы аккуратно развешены на верёвке для сушки.

Сюй Цзи подумал, что девушка просто очень старается, и нашёл момент, чтобы сказать ей, что она может не заниматься его личным бельём, а только стирать рубашки и брюки, которые он бросает снаружи. Девушка тогда смущённо кивнула, но на следующий день всё повторилось. Сюй Цзи посмотрел и понял, что всё, что он бросал или специально прятал, было выстирано...

Это чувство стало вызывать у него дискомфорт. А позже, когда он начал находить в своей подушке, гардеробе и ванной различные женские вещи вроде лепестков роз или миниатюрных ароматических свечей, это чувство стало ещё сильнее — как будто в доме появилась невидимая хозяйка.

Сюй Цзи не хотел говорить с нянечкой напрямую. Он не был мастером тонких намёков, и его слова могли случайно обидеть, особенно если собеседник — девушка. Поэтому он решил оставить ей записку, ещё раз объяснив, что ей нужно только убираться. Но нянечка не поняла его намерений и вместо этого заполнила пустые места на бумаге сердечками, нарисовав ещё и улыбающееся лицо.

В тот день Сюй Цзи, глядя на записку, усеянную сердечками, простоял в оцепенении целых две минуты.

— Мы с ней не понимаем друг друга, наверное, разница в возрасте? — Сюй Цзи, переодевшись, вышел с озадаченным выражением лица. — Мы говорим на разных волнах.

— Какая разница в возрасте? — Лу Хэнин улыбнулся. — Вы же почти ровесники.

Сюй Цзи ответил:

— Ей только за двадцать, между нами два олимпийских цикла.

Лу Хэнин действительно не ожидал, что нянечка такая молодая. Ранее, услышав от знакомого менеджера Чэня, что она, несмотря на юный возраст, уже пыталась соблазнить чужого мужа, он составил о ней впечатление как о женщине лет двадцати пяти-шести. Позже, увидев её

лично и заметив, что она одевается модно и сексуально, а в разговоре чувствуется опыт, он ещё больше укрепился в этом мнении.

Но оказалось, что она совсем юная.

Хотя, даже если она молода, Сюй Цзи, похоже, упускает суть.

— Ты действительно не видишь или притворяешься? Эта девушка явно симпатизирует тебе, — Лу Хэнин сдвинул несколько вещей на диване в сторону. Среди них были белые майки, камуфляжная куртка и бейсбольная форма, всё перепуталось в разноцветный клубок. Он не выдержал и вздохнул, наклонившись, чтобы прибрать. — Обычные люди стараются делать как можно меньше, а её энтузиазм явно зашкаливает.

Сюй Цзи налил ему стакан горячей воды и, услышав это, удивился:

— Какая симпатия? Ты имеешь в виду, что она мне нравится?

— Да, разве ты не видишь? — Лу Хэнин посмотрел на него.

Он держал в руках сложенную наполовину одежду и собирался положить её, чтобы взять стакан, но Сюй Цзи уже поднёс его к его губам.

— Спасибо, — Лу Хэнин сделал глоток и продолжил. — Ты же не скажешь, что не заметил... Хотя она и не говорила, но, мне кажется, это очевидно. Иначе зачем ей специально стирать твои трусы?

Сюй Цзи не согласился:

— Ты же тоже стирал мои трусы.

— Я стирал только те, что лежали снаружи, не лез в твой гардероб, — Лу Хэнин усмехнулся. — Если бы я специально рылся в твоём гардеробе, чтобы постирать твои трусы, это было бы странно. Тем более она ещё и в холод ходит на площадь, чтобы встретить тебя. Такие романтические сцены, как у неё, часто встречаются в университетах...

Он вдруг задумался, покачал головой и продолжил мягче:

— Это ведь довольно мило, правда?

— Нет, — Сюй Цзи ответил. — Меня это пугает.

— Просто ты её не любишь. Если бы нравился, чувствовал бы иначе.

На самом деле, стирка трусов, розовые лепестки, сердечки на записке — все эти намёки на романтику можно было интерпретировать как симпатию нянечки к Сюй Цзи, но он этого не замечал. Однако её действия на площади были слишком очевидны, и трудно было поверить, что он ничего не понимает.

Любовь и забота для того, кто испытывает симпатию — это романтика, а для того, кто её не чувствует — это может быть обузой или даже домогательством. Сюй Цзи, вероятно, чувствовал себя именно так.

Лу Хэнин, видя, что он не хочет продолжать разговор, улыбнулся и больше не настаивал. Он сложил рассортированную одежду на диване и пошёл в ванную, чтобы взять два мешка для

стирки, которые оставил там ранее, чтобы упаковать вещи.

Сюй Цзи не мешал ему, наблюдая, как тот то кладёт мелкие вещи в стиральную машину, то берёт инструменты и начинает убирать пыль.

Лу Хэнин работал не быстро, но очень тщательно, аккуратно убирая то тут, то там, с мягким выражением лица.

Сюй Цзи заметил, что ему нравится наблюдать за ним. Он даже невольно вспомнил Чжун Цзе — за два дня до их ссоры он был у него дома. Тогда уже было ближе к вечеру, Чжун Цзе только что проснулся и вдруг решил заняться уборкой. Но через несколько минут он заявил, что это слишком сложно, и вызвал управляющего.

Во многих моментах Сюй Цзи ловил себя на мысли, что Чжун Цзе и Лу Хэнин чем-то похожи, но, немного подумав, понимал, что это ощущение беспочвенно. Ведь кроме роста и образования у них почти ничего общего, и их жизни никак не пересекались — Чжун Цзе был успешным человеком со стабильной работой, жил в достатке, мог позволить себе летать за границу и первым покупать новые вещи, а Лу Хэнин был бывшим молодым господином, который перебрался на фабрику, жил в бедности и до сих пор не мог найти постоянной работы, хотя внешне он казался спокойным и принимающим всё как есть.

Кроме того, их характеры были совершенно разными. Чжун Цзе был упрям, редко шёл на примирение, даже если был неправ, и мог проигнорировать протянутую руку. Лу Хэнин же был мягким и добрым, сколько бы раз он ни сердился, но, как только всё выяснялось, он быстро успокаивался и мог спокойно находиться рядом.

Сюй Цзи подумал, что если искать что-то общее между ними, то, пожалуй, оба они были похожи на кошек — аккуратные, капризные, легко раздражались. Но по сравнению с Чжун Цзе, Лу Хэнин больше походил на брошенного домашнего котёнка, который, скитаясь, натерпелся лишений, и теперь, получив немного тепла, даже когти выпускал с осторожностью.

На следующее утро Лу Хэнин встал рано и приготовил завтрак.

Сюй Цзи зимой обычно вставал поздно, но в этот день не смог лежать. Сначала его заинтересовали звуки из другой комнаты, а затем он почувствовал аромат рисовой каши и вышел на кухню.

Одевшись, он подошёл к столу и увидел, что Лу Хэнин уже сварил кашу, которая стояла в глиняном горшочке, сверху образовалась корочка. На столе лежали две пустые тарелочки для соуса.

Лу Хэнин вышел из кухни и, увидев его, улыбнулся:

— Я не разбудил тебя?

Сюй Цзи посмотрел на часы на стене и смущённо улыбнулся:

— Нет, уже девять... Я давно проснулся, просто привык валяться в постели.

Затем он заметил, что Лу Хэнин держит в руках, и удивился:

— Солёные овощи?

<http://bllate.org/book/16320/1472856>